

ЛЮДИ ИСКУССТВА

В салоне самолета ИЛ-62, выполнявшего рейс по маршруту Москва — Вашингтон, пассажиров было немного, и нельзя было не заметить юношу артистической наружности, периодически делавшего странные вращательные движения левой рукой.

Но вот он повернулся к своему соседу:

— Андрис, ты, кажется, взял с собой эспандер?

Сто движений пальцев с помощью эспандера, и снова вращательные круги, потом опять эспандер...

Четыре часа просидели в Вашингтонском аэропорту, потом в Атланте, но Вадим Писарев в отличие от других пассажиров не сетовал на задержки. Похоже, они были ему «на руку».

...Беда случилась на уроке классического танца в зале Большого театра. Вадим готовился к конкурсу артистов балета в Джексоне с тем весельем и сокрушительным азартом, который, по наблюдению его педагогов, одна из граней его таланта. За секунду до падения он вполне благополучно завершил «глиссад» — скольжение, но на подходе к «большому прыжку» поскользнулся. Перелом оказался коварным — со смещением, с осколками, и врачи единодушно запретили ему и думать о поездке в Америку.

Все, кроме одного. Геннадий Иванович Баднин сказал, осторожно подбирая слова: «Если соблюсти все меры предосторожности, возможен небольшой шанс. Очень небольшой, конечно...». Вадим ухватился за этот шанс.

На следующий день он снова пришел на урок, держа за гипсованную руку на перевязи. На третий — занимался без повязки. На чет-

СОЛНЕЧНЫЙ МАЛЬЧИК

вертый — начал делать прыжки, осторожно и аккуратно, чтобы не очень сотрясать руку. Еще через день уже держался больной рукой за станок. А на седьмой вместе с Андрисом Лиепой и Ниной Ананишвили вылетел в Джексон.

«Расписка. Я, Вадим Писарев, из г. Донецка — Советский Союз, находясь в здравом уме и доброй памяти, прошу снять с руки гипсовую повязку... за последствия ответственность не несу сам...» — этот уникальный документ остался в городском госпитале, врачи которого категорически противились его решению. «Свидетелем» выступал Андрис. Ему и вручили взамен расписки «этого странного юношу», освобождавшегося от гипса минимум на две недели ранее положенного.

Праздника, однако, не получилось. Оказалось, что, избавившись от гипсовых «наручников» весом в добрых три килограмма, танцовщик нарушил уже ставшее привычным равновесие. До первого тура оставалось всего два дня, надо было вернуть четкую координацию. И он сумел «поставить себя на ось»!

Поставить себя на ось... Наверное, немногие из длинного ряда балетных терминов так соответствуют характеру этого паренька из Донбасса, сына шахтера и строительной рабочей.

Надо бы еще добавить: внука моряка — недаром же с детских лет Вадим мечтал о море.

Однажды побывал он на концерте детской художественной самодеятельности, в котором участвовала сестра Ира. Вернулся домой потрясенный и прямо с порога бросился к матери: «Мама. Что я видел! Там два мальчика танцевали на пальцах!...».

Он продолжал примерять дедову бескозырку и играть с шахтерской лампочкой отца, но то уже была сила привычки — отныне снился ему балет.

Вадим Писарев стал учащимся Киевского хореографического училища. Похвальные грамоты. За отличные успехи и усердие, за шахматно-шахечный турнир, за футбольный матч, за активную общественную работу... Он ставил себя на ось.

Главный балетмейстер Донецкого академического театра оперы и балета Владимир Николаевич Шумейкин приехал в Киев на «смотрины». Предстояло набрать молодое пополнение для балетной труппы. Это произошло летом 1983 года. Выбор, сделанный тогда Шумейкиным, в немалой мере определил новую страницу в истории донецкого балета. С того дня и часа, как привез он компанию девочек и мальчиков, изменилось что-то в самой атмосфере театра. Словно живительный ветерок пробежал по кулисам, принес с собой дыхание юности, мечты, дерзновения. Вадим Писарев, Инна Дорофеева, Александр Пось, Валерий Попов, Валентина Нартова, дебютировавшие в тот сезон на донецкой сцене, были при всей разности творческих индивидуальностей объединены общностью биографии: всех их счастье «нашел» Шумейкин. Все последующие повороты в их творческих, да и личных судьбах он принимал так близко к сердцу, словно речь шла о собственных детях.

На свадьбе Вадима и Инны он буквально сиял счастливой гордостью. Вот уже его «звезды» объединяются в «созвездия». (Тем стабильнее, верил он, будет их пребывание на донецком «небосводе»)...

...Педагог-репетитор Тамара Аркадьевна Кушакова, наверное, и сама не знает о своем даре копировать походку, жесты, выражение лица. Изящная, очень женственная, она вдруг превращается в маленького смешного гномика с прыгающей походкой, неуклюжими движениями:

— Ну какой ты Кай! Разве ты прекрасный мальчик? Ты же гномик, неуклюжий, скованный, комичный гномик. Вот смотри, как ты двигаешься по сцене... «Снежная королева» была первым спектаклем Вадима на донецкой сцене, и Кушаковой предстояло, тоже одной из первых, осваивать эту «целину» — этот самобытный талант, стремительно заявляющий о себе.

«Солнечный мальчик» (так про себя назвала Тамара Аркадьевна Вадима) обладал замечательным даром движения. Техника его была безупречна. Но связи духовной жизни с движением на сцене еще не было... «Это оттого, что ты не живешь в танце, а представляешь».

На секунду она пожалела, что так сурова и насмешлива. Обидится, замкнется. И вдруг:

— Покажите еще раз, Тамара Аркадьевна. Вот такой я смешной? — И он закатывался неудержимым смехом.

В другой раз: «Разве это Красс? Ты же Каменный гость. Тяжел, неуклюж. И не забывай, что Красс — военачальник, не бандит. Не рви кулисы».

«Спартак» был испытанием для всех. Для него в первую очередь. Когда Шумейкин со свойственной ему решимостью поставил в «Спартаке» на роль Красса Писарева, театр задохнулся от удивления. (Во всяком случае, та его часть, которая видела в Вадиме «маленького принца»). Но постановщик предвидел: «Вадим принесет на сцену вихрь. Он перельет в своего Красса темперамент такой взрывной силы, который напрочь разрушит стереотипное представление об ограниченных возможностях его фактуры». И вот — успех. Еще спорили, еще сопротивлялись скептики в зале и за кулисами, но было уже очевидно: «Спартак» — событие культурной жизни области. Красс — главная удача спектакля. Вестя о присвоении 21-летнему танцовщику звания заслуженного артиста Украины застала Вадима в антракте.

Писарев оказался хорошим, внимательным партнером. Репетировали «Жизель». Вадим — Альберт; Лена Огурцова, Инна Дорофеева — Жизель. Он с готовностью повторял и повторял поддержки. Такой юный, он, оказывается, способен по-взрослому чутко вслушиваться в биоритмы физиологического поля: «произрастает» ли на нем душевный комфорт? Хорошо ли танцует рядом с ним балерине?

Уже пройдя испытания первой славой, уже почувствовав на крепнущих крыльях успеха обжигающие искры признания в столицах мира, Вадим не жмурился удовлетворенно в лучах собственного сияния. С ним уже был его великолепный прыжок, о котором заговорили специалисты, посмотреть который уже шли зрители, а он спокойно, не суетясь, проходил ступеньку за ступенькой надежной и нелегкой «бурсы» кордебалета. Уже лауреат республиканской, всесоюзной и международных премий, он (хорошо это или плохо, но суровый быт провинциального театра того порой требовал) охотно выходил в массовках.

Тяжело в ученье... Дальше бы следовало сказать: «легко в бою», но в «бою» — на конкурсе в Джексоне — легко не было.

На жеребьевке Вадим вытащил последний, восьмидесят шестой номер. Сама судьба! Время работало на него, на его многострадальную руку. Первый тур — первая проба. Вариация из балета «Корсар», вариация и кода из балета «Пламя Парижа». Коду он показал сверх программы. Почему, зачем взял на себя дополнительную нагрузку? Задать такой вопрос Писареву означало бы спросить его: почему ты есть ты? Нечто подобное произошло в Киеве, на его первом конкурсе, три года назад. Тогда он пренебрег правом выступать по программе младшей группы, к которой принадлежал по возрасту: ему было восемнадцать. Выступил по более сложной программе старшей группы и... получил золотую медаль лауреата. Потом были новые конкурсы в Москве, Хельсинки, Париже, снова в Москве, триумфальные гастроль в составе группы «звезд» Большого театра СССР в ФРГ, Японии, Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, новый успех, новые победы и признание, но прежним оставался юношеский максимализм: потребность «завышать планку». Не зря же он был силен в прыжке.

Здесь, в Джексоне, после «Корсара» к нему в гриммерную пришел Юрий Николаевич Григорович, сказал, что он, Вадим, молодец, форму держит, что вращался хорошо и что совсем не чувствуется рука. Он-то знал, каких усилий стоила Писареву эта кажущаяся легкость.

Неожиданно коварным оказался третий тур. Вадим ждал от него сюрпризов — трепет сколадом и волей, но понадобилось еще и адское терпение. Ибо по программе между его выходом в вариациях из балетов «Щелкунчик» и «Дон Кихот», а потом между «Дон Кихотом» и «Маугли» проходили не минуты — час-полтора. Он «остывал» в ожидании выхода, точнее, остывали мышцы, голова пылала. Он приказывал себе: все должно быть наоборот — надо «разогреть» мышцы и охладить голову. И вновь и вновь «держался за палочку» — так они называли упражнения у станка. Приходила Раиса Степановна Стручкова, легонько касалась руки, спрашивала глазами: «Ну как?». Не дожидаясь ответа, находила оптимально удобное положение. Раиса Степановна для него не только педагог. Она — верный союзник и была в числе тех немногих, кто поддержал смелого московского врача, сказав негромко, без нажима: «Ехать-то, пожалуй, надо...».

О победе — Большая золотая медаль — он узнал поздно ночью, когда спустился в холл отеля. Холл был по-дневному обитаем. У бюллетеня, только что вывешенного (жюри закончило работать к ночи), толпились участники конкурса, болельщики, репортеры. Американские журналисты встретили как доброго знакомого этого «худенького мальчика из Советского Союза, со сломанной рукой, который произвел фурор в концертном зале Джексона» (цитирую их же). А потом к нему подошел другой «худенький мальчик» — юный американец протянул лист плотной бумаги, с которого на Вадима глянул... Вадим. («И откуда только они берут мои фотографии?»). Лист был щедро снабжен детскими рисунками, в самом низу распласталась бомба, жирно перечеркнутая крест-накрест. В центре царил большой рыжий шмель. Подпись была сделана по-русски: Август. Презент был вручен под впечатлением номера «Полет шмеля».

Дома его ожидали сюрпризы. Маленький Андрюша, сын, уже пробовал садиться — это была первая новость... Пришло приглашение в составе балетной труппы Киевского академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко принять участие в гастрольной поездке по Испании. И еще: в афише нового сезона появился балет «Дон Кихот» Л. Минкуса. Вадиму предстояло танцевать партию Базилья. Он представил, как это будет интересная работа, и тут же подумал: надо пригласить на премьеру Сашу Лукьянчука и его ребят.

Александр Лукьянчук — проходчик шахтоуправления имени 60-летия Советской Украины. Один из самых молодых в Донецке депутатов горсовета, как и Вадим, член горкома комсомола. Знакомы они не первый год, и очень по душе один другому. Пожалуй, они даже похожи внешне. Дорогу в театр Лукьянчук узнал не без помощи Вадима. В очередной раз они встретились на городском партийном активе «Союз искусства и труда». Вадим, сидевший в президиуме, увидел Сашу в зале, закивал отчаянно: это о них разговор, об их союзе, понимании, взаимопомощи.

В Донецком академическом начиналась эра аншлагов. На «Спартак» билеты были проданы за несколько месяцев вперед. На «Вечера балета» с участием Вадима Писарева, Елены Огурцовой, Инны Дорофеевой, Сергея Попова, Ирины Матвеев, Эльвиры Рыковой, других молодых «звезд» эльзского балета «лишний билетик» спрашивают за несколько кварталов. С большим успехом идет и «Дон Кихот». Среди желающих попасть в театр — молодежь. Та самая, которую мы так часто обвиняем в «равнодушии к классике». А Вадим, если есть перед спектаклем свободная минутка, обязательно подбежит к окну, встанет на цыпочки и окинет взглядом театральную площадь. Ему интересны его зрители.

Н. ДУНАЕВСКАЯ.

В. Писарев.

Фото М. Кагановича.